

За малейшее слово сидящие товарищи подвергаются наказаниям – им надевают на руки ручные кандалы, одну пару на два человека, и в таком виде скованные товарищи маются целые ночи, ибо спать в таком положении невозможно.

Другие арестованные, пользующиеся относительной свободой, также подвергаются со стороны пьяной администрации тюрьмы частым избиениям. Администрация тюрьмы обыкновенно у арестованных отбирала всю их одежду, деньги и прочие вещи, которые не возвращалась и в том случае, если некоторые товарищи и освобождались из тюрьмы.

Перед началом конца режим ещё стал тяжелее, и тюремная администрация как бы обезумела. Избиения усилились, и обращение ещё стало резче и грубее. Питание было вообще для всех плохое, и вследствие этого, как и в других лагерях, больных было очень много.

Кемский лагерь существовал довольно долго, но так как ничто не вечно под луной, то пришел конец, наряду с другими лагерями, и этому. Наступила гибель белогвардейским насильникам. Метла тов. Троцкого стала чувствоваться на Мурманском фронте и приближала час освобождения рабочих и крестьян Севера, томившихся долгие месяцы в тюрьмах и лагерях, построенных на благо русского народа его «спасителями». Кемский лагерь 23 февраля 1920 г. опустел, 79 человек арестованных под усиленным конвоем отведены в вагоны и эвакуированы на фронт. Все они получают освобождение на ст. Сегежа на другой день.

На этом я могу кончить описание тех тюрем, через которые мне лично пришлось пройти. Оглядываясь назад и вспоминая пережитое в белогвардейских тюрьмах нашими товарищами, часть которого, сравнительно ничтожную, я здесь привёл, а другие товарищи, надеюсь, дополнят, приходится с грустью отметить, что многие и многие наши товарищи не дождались дня освобождения Севера, когда вся белогвардейская сволочь должна была спешно убраться из пределов России. Многие из наших товарищей расстреляны белыми, многие, не вынеся тяжелых тюремных условий – умирали в стенах тюрьмы, или в бегах, или после освобождения, разбитые, изнурённые, умирали дома, вполне уверенные в том, что дело, за которое они отдали жизнь – находится в верных и твёрдых руках.

Мосорин

ГАМО, ф. П-2393, оп. 2, д. 416, л. 140-147. Незаверенная машинописная копия.

№ 17

А.Ф. Пребышевский Из воспоминаний бывшего политзаключенного Иоканьгской каторжной тюрьмы³⁹⁰

1935 г.³⁹¹

Пребышевский Александр Феофилович С 1913 г. служил в Балтийском флоте. В 1917 г. был командирован во флотилию Северного Ледовитого океана в г. Архангельск, избран председателем комитета дивизии траления военных тральщиков, а затем членом Центрального комитета флотилии, комиссаром технической части. Член партии большевиков с 1917 г. При белых был арестован, сидел в Архангельской губернской, затем в Иоканьгской тюрьмах, освобождён в феврале 1920 г. и вывезен в Архангельск. В 1930-е гг. проживал в г. Мурманске, работал на тралбазе старшим механиком.

³⁹⁰ Заголовок автора.

³⁹¹ Датируется по смежным документам.

[...] ³⁹² В сентябре месяце ³⁹³ нас отправили в Иоканьгу в каторжную тюрьму, там разместили нас в землянке.

Иоканьгская каторжная тюрьма состояла из одной большой и одной маленькой землянки, рядом был расположен фанерчатый барак. Заключённых сидело очень много, свету не было, спать ложились по команде, лежали боком, так как повернуться места не было, не говоря уже о том, что выходить со своего места нельзя, так как обратно не попадёшь. Кормили отвратительно, давали полфунта белого сырого хлеба - мороженного, делили его ножом, сделанным из обруча, случайно найденного под нарами. Люди все были голодные. И вот начинаются сборы по кучкам, идут разговоры, что будем делать, и что ждёт нас в дальнейшем. Вдруг неожиданно раскрывается дверь землянки, раздаётся окрик: «Смирно, собаки!» Все замерли, входит конвой и с ним начальник тюрьмы Судаков, его помощник Дьяков, известный палач Мамай. Зорко осматривают углы. Пройдя, на середине [землянки] около печи, которая была разломана, произносит слова: «А где большевистская сволочь, он же комиссар?» – это он ищет Пребышевского. Раздаются два голоса: «Вот он, здесь». Подходя ко мне, Судаков спрашивает: «Кого тебе надо, царя или большевиков?» Я ответил: «Я уважаю тех, кто уважает рабочих». Палач меня бьет прикладом до бесчувствия. Очнувшись, вижу перед собой т. Шишко. Шишко был командирован в милицию начальником, а затем от этой должности отстранён. Я был с ним в близких отношениях. Он прибыл из Архангельска, сообщил кое-какие новости о фронте, о том, что Красная Армия борется настойчиво, и привёз мне посылку: сухари, бочонок сельдей и два помела, так как [на них имелась] хвоя, которая была разделена между собою. Но вот беда: после селедок всех измучила жажда. На обед давали тёплую рассольную воду и сверху наливали жир со шпика – в общем, слабительное. Заключённые заболевают цингой и дизентерией. Хвою, которую мне прислали, стали употреблять вместо лекарства.

Делаем собрание. Сговорились совершить побег, распределили обязанности между собой: сделать подкоп, снять часовых, открыть камеры, обезоружить конвой, состоявший из 100 человек, кроме администрации. Три ночи прошли в работе по подкопу, на третьи сутки днем удалось сообщить в остальные землянки через разносчиков пищи о нашем намерении. На 4 сутки из среды арестованных – это был Шишко и ещё один предатель - выпросились к начальнику и там всех нас выдали. Вдруг начинается стрельба и продолжается около двух часов. Открыли двери, ворвался конвой, началось поголовное избиение, кроме, конечно, Шашко ³⁹⁴ и его соучастника. Затем вывели всех нас на улицу, оцепили в кольцо и начали допрашивать, кто зачинщик и организатор. Товарищи нас не выдали, что организаторами были я, Носов и лейтенант Михайлов. В землянке обнаружен подкоп, ввиду наступления темноты заключённых по двое впускали в землянку, избивая прикладами. Вскоре после этого начальник Судаков, по случаю именин своей жены, напившись пьяным, отдал распоряжение открыть огонь по фанерчатому барaku, в котором было убито и ранено 25 человек, медицинской помощи оказано не было. Тяжело раненные истекали кровью, а будучи вынесенными в амбар, они там замерзали (в который относили всех больных заключенных, чтобы они скорее умирали). Кроме землянок, были еще карцеры. Первый карцер узкий и коротенький, человек в нем только стоял, в щели продувало. Второй карцер – это ледник, с холодной водой на полу, в нём сидело 5 человек, из них трое умерло, остались двое - я и ещё один раненый, который вскоре скончался. Мы из карцера были вынесены без сознания.

После были построены рубленые бараки, в которых нас разместили и где мы содержались до 1920 г.

³⁹² Опущено о службе автора в Беломорской флотилии, избрании членом центрального комитета Беломорской флотилии, захвате Архангельска интервентами, пребывании в архангельской тюрьме.

³⁹³ Речь идет о 1920 г.

³⁹⁴ Так в документе.

Судаков знал, что белогвардейцы бегут, и дал распоряжение облить бараки и двери керосином и всех сжечь, но ему помешали моряки радиостанции, арестовавшие Судакова и открывшие камеру.

Когда открыли камеру, тов. Рябов от радости выскочил в коридор, стал танцевать, но тут же скончался от разрыва сердца. Я пошёл к Судакову на квартиру для обыска, у него нашли порядочный узел отобранных вещей от заключенных, серебро, золото и т.д.. Затем подошёл ко мне его сын лет 6-7, спросил, что будете делать с папой. Я ему ответил: «Ты спроси у своего отца». Тогда жена Судакова упала в обморок и отказалась от мужа. И оказалось, что она неоднократно была избита за то, [что] давала кусок хлеба арестованным. Далее спросили Судакова, почему он поступал по-зверски с арестованными, он ответил, что наши же арестованные доносили ему, что мы хотели убить его, и показал записки об этом бывшего моряка Шишко и Переменко, пришлось арестовать и их. В складах у Судакова нашли большое количество консервов, шпик и несколько корзин куропаток, за куропатками он посылал арестованных, из которых многие замерзли в горах, так как были разутыми. Шишко и остальных его прислуг я отправил в Архангельск, где они и были осуждены, а Шашко³⁹⁵ до вынесения приговора перерезал себе горло и умер.

ГАМО, ф. П-2393, оп.2, д. 416, л. 122-124. Незаверенная машинописная копия.

№ 18

А.А. Гефтер. Северные воспоминания³⁹⁶

1923 г.³⁹⁷

Гефтер Александр Александрович (?-1956). Родился в Одессе. В 1914 г окончил юридическое отделение Санкт-Петербургского университета, курсы гардемарин флота. По сдаче экзамена при Морском корпусе осенью 1917 г. произведён в мичманы. Служил на крейсере «Память Азова». С конца 1917 г. в подпольных организациях в Петрограде. В декабре 1918 г. прибыл в Мурманск. С весны 1919 г. в Финляндии. В Северо-Западной армии в отряде катеров. В эмиграции во Франции, член Военно-морского исторического кружка в Париже. Автор романа «Секретный курьер», написанного на основе воспоминаний о подпольной работе в Петрограде и пребывании на Севере, а также ряда сборников морских рассказов, наиболее известный из которых – «В море корабли». Скончался в Париже.

Это было в 1918 году.

У маленького таможенного здания, стоявшего у паровой пристани финского города Ваза, в шесть часов туманного ноябрьского утра собралось несколько человек, ожидавших совершения таможенных формальностей. Я, бывший в группе, заинтересовался паромом, который должен был отвезти всю компанию, состоявшую из меня, братьев С., бывших гвардейских казаков, и жены одного из них – в Швецию, где в то время концентрировались силы антибольшевистской группы.

Обещанный пароход представлял из себя маленький финский буксир шхерного типа, - настолько маленький, что труба его едва возвышалась над пристанью. На нём нужно было пересечь Ботнический залив в самом его узком месте, между Вазой – на финской, и Умеа – на шведской стороне. «Если не будет шторма, то весь путь можно будет проделать часов в 7».

³⁹⁵ Так в документе.

³⁹⁶ Из «Воспоминаний курьера мичмана А.Гефтера» о событиях гражданской войны – глава «Северные воспоминания» о пребывании на Мурмане 1918-1919 гг.

³⁹⁷ Дата опубликования «Воспоминаний курьера мичмана А. Гефтера» в альманахе «Архив русской революции», издаваемом Г.В. Гессеном в Берлине.